

М. В. Каширина

**Дружба как братство/сестринство
в книгах об особом детстве:
неожиданный поворот темы
и трудности на пути к читателю**

Статья посвящена теме особого детства в современной детской литературе. На примере немецкоязычных произведений для детей рассматривается образ брата/сестры особого героя и особенности его изображения. Также представлены результаты первичного исследования отношения родителей читателей 7–11 лет к чтению книг о таком детстве.

Ключевые слова: немецкая детская литература; чтение; особое детство; образы особых героев; готовность родителей.

Несколько лет назад в современной детской литературе стали откровенно говорить об особых героях — детях и взрослых с физическими особенностями — и трудностях, которые они преодолевают в процессе взросления и социализации. К этой теме обращаются исследователи современной немецкой литературы для детей: Ю. В. Бердянская [1], Л. И. Рюмшин [1], О. А. Енальева [4], В. П. Боголюбова [2, 3]. За период актуализации данной темы в современной детской литературе отечественные и зарубежные авторы представили читателям немало новых книг об особом детстве. Многие из них вошли в топ-лист «Особое детство» (URL: http://www.chtenije.ru/2019/12/blog-post_12.html), который был составлен специалистом по детской литературе А. В. Годинер и представлен на секции «Образы братьев и сестер “особых” героев: динамика развития» III Международной конференции «Детская литература как событие», состоявшейся в декабре 2019 г. Заявленная тема позволила участникам секции рассмотреть проблему особого детства с нового ракурса — с позиции героя, который находится в окружении ребенка с особенностями.

Думается, что список, предложенный А. В. Годинер, можно дополнить книгами немецких авторов об особом детстве: «Maine Füße sind der Rollershtul» («Мои ноги — инвалидное кресло»¹) [8] и трилогией Ф.-О. Хайнриха о Маулине Шмитт — «Мое разрушенное королевство» [5], «В ожидании чуда» [6], «Конец вселенной» [7]. Наш интерес к данным произведениям был вызван прежде всего тем, что тенденция открыто говорить в детской литературе о людях с особенностями зародилась именно в Германии в конце 1970-х гг. Исследователи немецкой детской литературы В. П. Боголюбова [3] и О. А. Енальева [4] отмечают, что в это время под влиянием скандинавской литературы в Германии возник детский психологический роман, который тематически четко отличался от произведений для детей прошлых лет. Главным отличительным признаком психологического романа является обращение автора к внутреннему миру героя, а «в поле зрения жанра попадают сложные жизненные ситуации, в которых оказывается ребенок, и способы выхода из них» [2, с. 398]. Как правило, такие кризисные периоды жизни персонажа-ребенка спровоцированы потерей отца или матери в результате развода, сиротством, смертью родственников или тяжелыми болезнями.

Вторая причина нашего обращения к заявленной теме связана непосредственно с изменениями способов создания образа особого героя по сравнению с книгами, написанными ранее (например, «Оскар и Розовая дама» Э. Э. Шмитта, «Машка как символ веры» С. Варфоломеевой, «Чудо» Р. Дж. Палласио), и в частности появлением значимого для развития сюжета и дополнительной характеристики героя с особенностями образа его / ее брата / сестры.

Книги, рассматриваемые нами, написаны в разное время («Maine Füße sind der Rollershtul» вышла в свет в 1992 г. и была переиздана в 2013-м, а трилогия о Маулине Шмитт — в 2017 г.), и в каждой из них по-разному представлен образ ребенка с особенностями. Однако эти произведения объединяет общая тематика и присутствие в сюжете брата или сестры (героя-антагониста) особого героя, находящегося в центре повествования. Заметим, что в роли брата или сестры могут выступать не только непосредственно родственники особого ребенка, но и его друзья, одноклассники: они принимают на себя их функции. Это и позволяет нам говорить применительно к выбранным текстам о дружбе как особой форме братства/сестринства. Как и братья/сестры персонажей с особенностями, друзья помогают им во многих непростых ситуациях, сопереживают и поддерживают. Они всегда противопоставлены центральному персонажу, поскольку не имеют особенностей, но играют определяющую роль для раскрытия общей проблематики повествования.

Проиллюстрируем сказанное. Сюжет первой книги — «Maine Füße sind der Rollershtul» — выстраивается вокруг Маргит, девочки в инвалидном кресле, которая впервые самостоятельно выходит на улицу и не чувствует себя особенной, потому что она парализована с рождения и инвалидная коляска

¹ Здесь и далее перевод с немецкого автора статьи.

не является для нее чем-то необычным и непривычным. Дома к девочке относятся как к человеку без физических особенностей: по утрам она самостоятельно одевается, готовит завтрак и помогает родителям по дому. Так автор выражает свое отношение к особым людям и показывает, что их жизнь не отличается от жизни обычных людей. Однако оказавшись вне дома, девочка сталкивается с трудностями, например в виде бордюра или ступенек, которые подчас невозможно преодолеть на коляске, сердится и расстраивается, когда окружающие предлагают свою помощь и проявляют жалость по отношению к ней.

В противоположность героине с особенностями автор вводит второстепенного персонажа — обычного мальчика по имени Сиги, который становится для нее другом и помощником. Его образ мы сравниваем с образом брата особого героя, потому что Сиги здоров физически и выполняет функции, характерные для брата особого ребенка, например помогает главной героине понять окружающих. Он объясняет девочке, что она не такая (не хуже и не лучше, а просто не такая), как все, и к ее «особенностям» не привыкли «обычные» люди. Вместе с тем он поддерживает главную героиню в осознании того, что во многих ситуациях ее физическая особенность не является проблемой. Так, когда Маргит предлагают поиграть в салки, он говорит: «Wir müssen nicht spazieren gehen. Wir können spazieren fahren» («Мы не можем идти, но мы можем ехать») [4, с. 31]. Эту фразу можно понимать двояко — в прямом смысле: мы можем передвигаться именно так, и в переносном: *мы не можем двигаться медленно (идти) — только быстро (ехать)*. Поскольку речь идет об инвалидном кресле, которое позволяет центральному персонажу передвигаться, по мере развития сюжета на первый план выходит первое значение фразы. Так постепенно проявляется и обозначается позиция автора книги, которую можно трактовать следующим образом: несмотря на физические ограничения, у людей с особенностями» много возможностей. В связи с этим второстепенный герой является значимым для всего повествования, поскольку его устами автор выражает главную идею книги.

Трилогия Ф.-О. Хайнриха о Маулине Шмитт затрагивает похожие проблемы, но по сравнению с книгой, которая написана ранее, образы «особого» ребенка и его брата/сестры изменяются. Перед нами разворачивается история обычной девочки, жизнь которой внезапно меняется и становится зависимой от болезни близкого человека.

Родители главной героини разводятся по причине, о которой автор умалчивает в первой части трилогии. Маулине приходится неожиданно переехать из дома, где она выросла и создала свой воображаемый мир — Мауляндию, в новый дом, оборудованный всем необходимым (пандус, перила, рычаги) для жизни человека с особенностями. Его она называет Пластикбург: «Малюсенький домик, квадратный и затхлый, втиснутый между другими точно такими же на Улице Затхлых Домиков. Они стоят рядами, желтоватые, будто

старушечьи чулки, совершенно одинаковые, словно за всеми этими пластиковыми дверьми живет один и тот же человек <...>. Наша новая квартира плоская, как почтовая марка, и размером не сильно больше. Да уж. Пол какой-то пластиковый, и вообще все — окна, дверные и оконные ручки, подоконники — пластик на пластике и пластиком погоняет. На стенах понатыканы какие-то палки-хваталки — около ванны, в туалете, над кроватью. К оконным ручкам приделаны рычаги, длинные и тонкие, как аистиные ноги» [5, с. 19–20]. Отмечая эти детали нового дома, Маулина просто фиксирует их, не понимая их назначения, поэтому они ее раздражают.

Интересно, что автор трилогии постепенно ставит главную героиню в одну сложную ситуацию за другой, раскрывая перед читателем сразу несколько трудных тем: развод, заболевание, смерть, сиротство. Задаваясь вопросом о том, насколько зависим ребенок от решения взрослых, автор акцентирует внимание читателя на распаде семьи и разрушении семейной идиллии. Он описывает внутренние переживания Маулины, которые она испытывает в результате развода родителей, используя прием двоемирия. Мир реальной повседневности — Пластикбург — противопоставляется воображаемой Мауляндии — «разрушенному королевству», в котором прошло счастливое детство героини.

В результате сложившейся ситуации (она не знает и не понимает причин происходящего) у главной героини портятся отношения с отцом. Для Маулины отец становится разрушителем, «Тем Человеком» (теперь она так его называет), который забрал самое сокровенное, что связано с детством, — воображаемый мир, Мауляндию. Описывая негативное отношение девочки к отцу, автор противопоставляет его образу образу матери.

Девочка не принимает сложившейся ситуации, сопротивляется, отстаивает собственные права и стремится вернуть все на свои места. Однако постепенно автор раскрывает перед читателем еще одну непростую тему — главную тему трилогии. Только к завершению первой части девочка узнает истинную причину расставания родителей. Его инициатором была мама, которая приняла такое решение, узнав о своем диагнозе — рассеянный склероз, и о последствиях этого заболевания. Следовательно, центральный персонаж помещен автором в еще одну сложную ситуацию, связанную с внезапно обрушившимся известием о заболевании родного человека, что позволяет нам рассматривать Маулину как «особого» героя трилогии. «Особое» положение девочки иллюстрируется и тем, что автор вводит в повествование образ друга — мальчика по имени Пауль, у которого именно таких проблем нет.

На первый взгляд фигура Пауля — фигура героя-антагониста. Для читателя он обычный мальчик, который учится в одном классе с Маулиной, становится для нее другом и помощником. Он указывает главной героине на то, что их новый дом предназначен для особых жильцов. Сопереживает Маулине и поддерживает ее, когда девочка узнает о заболевании мамы. Радует ее вместе

с ней, когда, казалось бы, болезнь отступает. И именно он оказывается рядом в третьей, самой сложной для Маулины ситуации, когда родной человек уходит из жизни.

Заметим, что все сложные ситуации в повести Ф.-О. Хайнриха построены на контрастах:

– внутреннего мира фантазий — Мауляндии, где главная героиня счастлива, и реальности — Пластикбурга, где она сталкивается с жизненными трудностями;

– матери и отца, к которому девочка испытывает злость;

– жизни и смерти.

На первый взгляд и образ самой Маулины контрастирует с образом Пауля. Однако в завершении трилогии автор и второстепенного героя помещает в трудную ситуацию, которую можно сравнить с ситуацией главной героини. Мальчик живет не дома, а в интернате, его отношения с родителями оказываются непростыми: с отцом он может видеться крайне редко и только под надзором полиции, с матерью не видится вовсе, потому что она оставила сына и переехала в другую страну. Он обделен родительским вниманием, как и брат/сестра особого ребенка, но компенсирует его общением с Маулиной и ее семьей. Так он сам оказывается особым героем, потому что оставлен родными родителями. Его ситуация усугубляется тем, что мальчику не с кем поделиться своими переживаниями и он остается один на один с ними.

Изображая Маулину и Пауля в сложных жизненных ситуациях, автор хочет подчеркнуть, что современные дети живут не в изолированном мире фантазий, а в одном мире со взрослыми. Иногда некоторые из них сталкиваются с детскими проблемами, которые вынуждены решать самостоятельно, соответственно и взрослеть они вынуждены раньше.

Рассматриваемые нами книги представляют особый интерес для культурологов, социологов, исследователей детской литературы и чтения, поскольку говорят с читателем о повседневной жизни и трудностях тех, кто нуждается в особом отношении. Рядом с такими героями всегда присутствуют герои-антагонисты: братья, сестры или друзья без особенностей. На первый взгляд они — второстепенные герои — выполняют вспомогательную функцию и позволяют показать образ центрального — особого — персонажа на контрасте. Это видно по книге «Maine Füße sind der Rollershtul». В то же время мы наблюдаем, как и второстепенный герой сталкивается с непростой жизненной ситуацией и поэтому становится равным герою с особенностями. Об этом во многом трилогия Ф.-О. Хайнриха, который, создавая образ второстепенного героя и описывая его трудности, усиливает контраст между беззаботным счастливым детством и тяжелыми жизненными ситуациями, в которые неожиданно может попасть каждый.

Резюмируя сказанное, важно отметить, что в поле зрения немецкоязычных книг об особом детстве попадают одновременно несколько трудных тем,

с которыми сталкиваются не только центральные персонажи, но и герои второго плана.

Думается, что существование книг о детях, которые неожиданно для себя попадают в особенную ситуацию, а зачастую и неожиданно сами становятся особыми, необходимо. Однако открытым остается вопрос о том, кому адресованы книги об особых детях? По мнению А. В. Годинер, «книги об “особых” детях нужны тем, кто считает для себя и своих детей неотъемлемой частью жизни человеческую солидарность и эмпатию. Это можно отнести и к самим “особым” людям, и к их родителям, и к людям “со стороны”» (Годинер А. В. Герой с «особенностями» в детской литературе. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2069/>). Иными словами, степень ресурсности книги для читателя определяется только самим человеком, который ее выбирает.

Нами были проведены исследования того, как относятся родители обычных детей к чтению книг об особом детстве. Мы начали поиски ответа на данный вопрос и провели беседу с родителями, которые посещают детский зал Библиотеки иностранной литературы. Это была небольшая группа читателей из 18 человек, которые вместе с детьми 7–11 лет постоянно обращаются к ресурсам библиотеки. Безусловно, эти дети только подходят к тому возрасту, когда им по плечу книги, о которых шла речь выше, хотя кто-то, возможно, уже читает их. Однако выбор книг, как показывают наши наблюдения, в младшем школьном возрасте во многом определяется родителями, а не самим ребенком.

Для проведения беседы нами были сформулированы следующие вопросы: «Как вы относитесь к книгам об особом детстве?», «Как вы думаете, для чего нужны книги на такие темы?», «Читают ли ваши дети книги, в которых идет речь о героях с особенностями?», «Как вы относитесь к их выбору?».

Надо сказать, что мнения участников беседы о книгах с особыми героями существенно отличаются друг от друга. Так, один из респондентов — мама ребенка 8 лет — характеризовала свое отношение к таким книгам как отрицательное. Она объяснила позицию тем, что подобные темы могут травмировать ребенка: «Допустимо только в тех случаях, если это часть или эпизод книги, чтобы не создать у ребенка страха перед такими проявлениями жизни». Однако опыта чтения с ребенком книг на подобные темы у респондента пока не было, поэтому трудно сказать, что конкретно определяет это мнение. Мы можем только предположить, что неготовность родителя к тому, что такая книга может быть прочитана вообще, помешает тому, что книги об особых людях вообще появятся в круге чтения ребенка: если тема для чтения-обсуждения запретная, то ее как бы и нет.

Другой респондент — мама ребенка 10 лет — отметила, что старается специально не выбирать подобные книги и часто корректирует выбор ребенка, если в книге поднимаются подобные темы, но иногда они не так явно заметны и поднимаются вскользь. По мнению респондента, «самое главное, чтобы ребенок не воспринял проблемы героев близко к сердцу».

Большинство респондентов — родителей детей 8 лет — также отвечали, что читать с детьми такие книги не готовы, поскольку опасаются травмирующей ребенка реакции на них, но, возможно, обратятся к подобным книгам, когда у детей возникнут вопросы о сложных ситуациях в жизни.

Разумеется, среди участников беседы были и те, кто придерживается другой позиции. Например, по мнению одного из респондентов, тоже мамы ребенка 8 лет, книги об особом детстве позволяют объяснить, что люди разные и есть те, которые нуждаются в особом отношении, а также то, что смерть — это часть жизни. Интересно, что на тот момент они уже прочитали трилогию о Маулине Шмитт.

В ответах остальных респондентов, которые выразили положительное или спокойное отношение к книгам о сложных жизненных ситуациях, прослеживаются запросы на конкретные темы, связанные с особым детством: взаимодействие с особым человеком, смерть, тяжелые заболевания. По мнению родителей, такие книги нужны, чтобы «в доступной форме получить реальное представление о том, что жизнь состоит не только из сказок и приключений, в ней есть и болезни, и смерть. В любом случае с трудностями надо учиться справляться»; «чтобы дети учились не бояться говорить о теме смерти, чтобы учились проявлять эмпатию к людям с инвалидностью» (читательница с ребенком 7 лет). «Такие книги имеют право на существование, так как болезни — это часть жизни» (читательница с ребенком 9 лет). Также они необходимы «для понимания того, что чувствуют особенные люди и как с ними быть обычным людям» (читательница с ребенком 10 лет).

Таким образом, результаты беседы позволяют говорить о неоднозначной позиции родителей по отношению к книгам о людях с особенностями. С одной стороны, их настораживает сильное эмоциональное восприятие ребенком трудных тем в литературе и по возможности они откладывают разговор о них (это характерно прежде всего для родителей детей 7–8 лет) на неопределенное будущее. С другой — видят в подобных книгах ресурс для понимания детьми тех или иных реалий жизни.

Все сказанное позволяет нам наметить дальнейшие пути исследования и уже сейчас говорить о том, что не только не просто само чтение книг на такие трудные темы, но и непрост их путь к маленькому читателю.

Литература

1. Бердянская Ю. В., Рюмишн Л. И. Особенности изображения внешности людей с ОВЗ в немецкой детской литературе // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: мат-лы Всерос. науч. конф. / под общ. ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской, Г. В. Серикова. М.: Кредо, 2019. С. 68–69.
2. Боголюбова В. П. Современный немецкий детский психологический роман: проблематика и поэтика // Преподаватель XXI век. 2015. № 1. С. 397–412.
3. Боголюбова В. П. Генезис детского психологического романа ФРГ // Вестник РГГУ. 2011. № 7. С. 239–248.

4. *Енальева О. А.* Развитие детской реалистической литературы в Германии во второй половине XX века // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 7–8. С. 2014–2016.

5. *Хайнрих Ф.-О.* Удивительные приключения Маулины Шмитт. Часть 1. Мое разрушенное королевство. М.: Самокат, 2017. 176 с.

6. *Хайнрих Ф.-О.* Удивительные приключения Маулины Шмитт. Часть 2. В ожидании чуда. М.: Самокат, 2017. 208 с.

7. *Хайнрих Ф.-О.* Удивительные приключения Маулины Шмитт. Часть 3. Конец вселенной. М.: Самокат, 2018. 192 с.

8. *Huainigg F.-J.* Meine Füße sind der Rollstuhl. Munchen, Verlag: Annette Betz, 2003. 32 p.

Literatura

1. *Berdianskaya Yu. V., Ryumshin L. I.* Osobennosti izobrazheniya vneshnosti lyudej s OVZ v nemeczkoy detskoj literature // *Vneshnij oblik v razlichnyh kontekstah vzaimodejstviya; mat-ly` Vseros. nauch. konf. / pod obshh. red. P. N. Ermakova, V. A. Labunskoj, G. V. Serikova*. М.: Kredo, 2019. S. 68–69.

2. *Bogolyubova V. P.* Sovremenny`j nemeczkij detskij psixologicheskij roman: problematika i poe`tika // *Prepodavatel` XXI vek*. 2015. № 1. S. 397–412.

3. *Bogolyubova V. P.* Genezis detskogo psihologicheskogo romana FRG // *Vestnik RGGU*. 2011. № 7. S. 239–248.

4. *Enal`eva O. A.* Razvitie detskoj realisticheskoy literatury` v Germanii vo vtoroj polovine XX veka // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 7–8. S. 2014–2016.

5. *Xajnrrix F.-O.* Udivitel`ny`e prikladyeniya Mauliny` Shmitt. Chast` 1. Moe razru-shennoe korolevstvo. М.: Samokat, 2017. 176 s.

6. *Xajnrrix F.-O.* Udivitel`ny`e prikladyeniya Mauliny` Shmitt. Chast` 2. V ozhidanii chuda. М.: Samokat, 2017. 208 s.

7. *Xajnrrix F.-O.* Udivitel`ny`e prikladyeniya Mauliny` Shmitt. Chast` 3. Konecz vselelnoj. М.: Samokat, 2018. 192 s.

8. *Huainigg F.-J.* Meine Füße sind der Rollstuhl. Munchen, Verlag: Annette Betz, 2003. 32 p.

M. V. Kashirina

Friendship as Brotherhood/Sisterhood in Books about Special Childhood: an Unexpected Turn of the Topic and Obstacles on the Way to the Reader

The article is devoted to the topic of “special” childhood in modern children’s literature. The author considers the image of a brother/sister of a character with special needs and its specific features using the examples from German-language books for children. The results of the initial study of parents’ of 7–11 y. o. reading books about such childhood are also presented.

Keywords: German children’s literature; reading; special childhood; images of special characters; readiness of parents.